

Книги Владимира Ильина
в серии
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ТОМ ДЖОУ
ПОВЕЛИТЕЛЬ МИРАЖЕЙ
ШЕРИФ
ВОСЬМОЙ ЗВЕРЬ
НАПРЯЖЕНИЕ
НАПРЯЖЕНИЕ РАСТЕТ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВЛАДИМИР ИЛЬИН

НАПРЯЖЕНИЕ РАСТЕТ

РОМАН

Москва. 2017
Э АРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
И46

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1052

Художник
И. Воронин

Ильин В. А.

И46 Напряжение растет: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 410 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2419-1

Слишком много силы в крови одаренных, их слово способно начать войну, остановить кровопролитие, быть гарантом мира и крепкого союза. Максим, потомок княжеского рода, ради исполнения пророчества преданный забвению и вычеркнутый из родовой записи, следует предначертанному. Грядет большой турнир на землях империи, собирая лучших из лучших представителей клановых школ и лицеев. Грандиозный приз и честь стать первыми заставят рискнуть немалым вступительным взносом, а запрет на использование дара станет лучшей проверкой воли и храбрости участников. Для Максима, собравшего свою команду вопреки всем канонам и боевым рангам, главным призом станет просто дружба. Ведь, собственно, он для этого все и устроил. А сопутствующий тому урон — уже дело тех, кто полагает турнир своим.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Ильин В. А., 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2419-1

ПРОЛОГ

Большая вода неторопливо отступала, обнажая каменистое дно, заваленное серым булыжником. Вскоре медленный выдох северной реки сменится вдохом, и русло наполнится вновь — как было вчера, как было сотни лет назад. Природа несуетлива и не любит перемен. В отличие от людей.

— Долго еще? — сверкнув позолотой часов на цепочке, поинтересовался щегольски одетый молодой человек.

Ему было холодно в отлично сшитом костюме, его ноги мерзли в модных штиблетах, а злой ветер то и дело норовил сорвать шляпу.

— Еще полчаса, и пройдем, — сверившись с солнцем, степенно заверил невысокий кряжистый мужчина. Но не удержался и тоже шелкнул овалом часовой крышки, полюбовался на дорогой подарок. Смотрителю забытого всеми заповедника нравилось выглядеть как гости из столицы. Он копировал их жесты и слова, дымил тоненькими сигарами, не чувствуя вкуса, и даже оделся похоже — в первый свой визит гости подарили достаточно, чтобы заказать отличный костюм и сейчас гордо вышагивать в нем по бережку реки. Картину портили только высокие охотничьи сапоги с заправленными в них отглаженными брюками, но это уж дураков нет — по такой погоде морозить ноги.

Услышав прогноз, рядом зябко поежились спутники аристократа. Городские жители — таким легкий ветер уже непогода. Хотя по виду — все до единого плечистые, опасные, да еще с грозным, выпирающим углами оружием под запахнутыми поплотнее коричневыми пиджаками. Но не бандиты, нет. У аристократов все по закону, и право на стреляющие игрушки для себя и свиты дается им с колыбели. Возможно, смотрителю тоже подарят красивый хромированный пистолет — он на это надеялся. Оттого помогал всеми силами. И не замечал того, что по долгу службы должен бы был увидеть, а по совести — доложить.

— Если этот не врет, — буркнул один из свиты, косясь на инвалидную коляску со стариком и суетящегося рядом врача.

Пожалуй, не холодно в этой странной группе было только этим двоим. Доктор запахнул поверх белоснежного халата теплую куртку и вполне комфортно переносил бодрящую северную погоду начала лета. Второму же было все равно — лицо закрывала маска, снабжающая легкие дикой смесью обезболивающего и наркотика.

Иногда тело старика пробирала мелкая дрожь, не от холода, от ненависти к окружающим, но в эти моменты сопровождающий отворачивал вентиль баллона, соединенного с маской. После этого тело, завернутое в грязное тряпье, некогда бывшее элегантным бежевым костюмом, вновь безвольно замирало, позволяя тихонечко вздохнуть всем окружающим.

— Сколько там, сантиметров двадцать глубины? — нетерпеливо спросил аристократ, глядя на скальный выступ, от которого лениво откатывала волна.

Большой валун, принесенный сюда движением ледников, некогда сковывавших мировой океан, в моменты прилива казался небольшим островком и только на несколько часов отлива показывался в полный рост, скалясь трехметровым черно-зеленым клыкком в небо.

— Десять—пятнадцать, — прикинул смотритель.

— Так пойдем, — решился его новый знакомый и первым ступил в черно-зеленую слякоть обнажившегося дна.

— Осторожнее, господин! — всполошился смотритель и даже хотел было предложить свои сапоги, но вовремя одумался — высокородным простуда не страшна, а ему мерзнуть не след. — Там могут быть ямы!

— Да плевать. — Аристократ обернулся. — Что встали? Коляску на руки, и за мной! — И, уже не оборачиваясь, зашагал к скале, не сомневаясь в исполнении отданного приказа.

Молодой аристократ шагал по воде, высоко задирая ноги, но упрямо продвигался к близкой цели. Плевать на холод, его дар не позволит заболеть. Плевать на воду, одежду и обувь можно будет просушить в вертолете, который дожидается их на одной из лесных полян. На слуг плевать тем более, он все равно оставит их здесь — не важно, в воде или у вертолета — в зависимости от того, каким окажется приз и насколько тяжело его будет нести одному.

Он не знал, что должно быть внутри. Но верил, что причина уничтожения целого рода стоит его усилий. Если этого настолько боялись... то он определенно хочет этим владеть.

— Что, старик, помнишь, а? — улыбнулся он коляске.

Маска на лице одурманенного чуть заметно дернулась, но умный и злой взгляд свидетельствовал о жизни разума в скованном теле.

— Мы тут почистили прошлый раз. — Аристократ махнул рукой на расчищенную от зеленой патины плоскость, испещренную неглубокими сколами — следами работы инструмента. — Но твоя старуха открыть не смогла, — с досадой добавил он, отряхнул и вновь надел шляпу.

Старик резко дернулся и чуть не вывалился из кресла.

— Док, какого черта?! — запаниковал щеголь, отскочил назад.

— Сейчас, сейчас, — засуетился врач, откручивая вентиль баллона, идущего к маске.

В легкие старика ударила новая порция дурмана, лишая подвижности одно из некогда самых страшных существ этого мира.

— Да что ты делаешь, урод, он же соображать не будет! — разозлился босс, крошечным огненным шаром скидывая ярость в воду.

Ноги обдало приятным теплом, а воздух, вторя боссу, мерзко зашипел облаком пара.

— Не сомневайтесь, господин, будет! И говорить будет! — подобоострастно поклонился док, выживая из кармана многоразовый шприц и ловко вставляя в него ампулу с грязно-желтой жидкостью. — Полчаса гарантирую.

— Смотри у меня, — успокоился молодой аристократ и нервно вздохнул. — Старик, что ты дергаешься? Я же обещал привести тебя к пропавшей жене. Вот, слово мое нерушимо, — шутливо, но с определенной опаской, он повел рукой вокруг. — Где тело, извини, не знаю. Снесло водой, сам понимаешь.

Доктор ловко закатал рукав, обнажил руку старика и привычно сделал инъекцию.

— Давай, открой нам хранилище, и я отправлю тебя вслед за старухой, быстро и без мучений.

— Ты проклят, — прохрипел старик непослушными губами, стоило только злой химии влиться в кровь, а маске немного отойти от лица.

— Я не верю во все эти клятвы, — как маленькому, объяснил щеголь. — И знаю другие источники Силы, кроме чести. Например, целесообразность.

— Ты умрешь...

— Как и все, — не стал отрицать аристократ. — Но мне хватит времени, чтобы сделать жизнь твоих потомков невыносимой... если ты станешь упрямым.

— Они... Не знают...

— Да мне плевать, знают они о хранилище или нет, — поджал губы щеголь. — Я убью их из-за твоей несговорчивости, старик. Как убили весь твой род. — Он махнул рукой на скалу. — А туда я все равно доберусь.

— Я открою... — после долгой паузы ответил живой труп.

— Поднесите его ближе, — тут же распорядился молодой и тоже зашагал к валуну, чтобы обойти слуг и видеть, что делает его пленник.

Пленник не сделал ничего, только прижал ладонь к массиву скалы — да и то это проделали за него слуги, выполняя еле слышное указание.

Скальный монолит дрогнул.

— Ох ты ж... — прошептал смотритель.

— Стоять на месте! — прикрикнул молодой аристократ, с восхищением глядя, как с тихим рокотом обнажается прямоугольный лаз в десятке сантиметров над водой.

Через две минуты движение камня закончилось, обозначился узкий проход с лестницей, уходящей вниз, под дно реки, а судя по глубине и изгибу, виднеющемуся в отсветах ручных фонарей, поворачивающей обратно, под берег.

— Ты, живо вперед, — толкнул молодой смотрителя. — Иди и говори, что видишь.

Тот обернулся, недобро прищурился, но спорить не посмел.

— Черный камень без единой щели, господин. Проплавили, не иначе, — медленно ступая, докладывал он обо всем, что видел в свете фонаря, подбадривая себя громким голосом. — Стена теплая, как живая.

— Под землей всегда тепло, — нетерпеливо оборвал босс. — Что за поворотом?

Смотритель дернул щекой от досады — была надежда, что его заменят. Достигнув поворота, отчитался, доложил, что следующий пролет завершается коридором. И тут же получил распоряжение проверить коридор. Как же, заменят...

— Тут еще одна дверь, господин! — чуть повеселев, крикнул он, вытирая смятой в руках шляпой пот со лба и молча кляня себя за нерасторопность — мог бы и позади встать, тогда под руку попался бы кто-то другой. Но вроде обошлось... Повод для радости имелся существенный — он все еще жив. Родовые хранилища отличались редкостными мерзостными ловушками, о чем знали все. Но спорить с господином — означало в лучшем случае позабыть про хромированное оружие и дорогие подарки, а в худшем... В худшем то же самое, только идти в подземелье пришлось бы под страхом смерти.

— Старик, что за дверь? — затормошил аристократ то ли уснувшего, то ли вновь скатившегося в наркотическую зыб пленника.

— Нетерпелив... — так и не открыл тот глаза.

— Заносите его внутрь, — нахмурился щеголь, подумал немного — не лучше ли подождать отчета тут или стоит увидеть сокровищницу первым? И не смог обуздать алчность.

Тело предусмотрительно закрыл щит Силы, оберегая своего хозяина от возможных сюрпризов.

Чтобы открылась новая дверь — железная, обитая заклепками, — тоже хватило прикосновения старика. Массив металла почти метровой толщины скользнул в сторону, вызвав у присутствующих пораженный вздох. Все были потрясены как совершенной конструкцией, так и осознанием того, что пробивать такую мощь, да еще рискуя обрушить свод пещеры под рекой, было бы самоубийством. Но все мысли моментально испарились при взгляде на содержимое комнаты, расположенной сразу за дверью — осталось только растерянно выдохнуть и простецким жестом почесать макушку.

— Старик, ты гнил в долбаной Австрии, в долбаном приюте для престарелых, имея это?! — возопил босс, пинком откидывая в сторону пирамидку золотых слитков с мизинец размером.

— Вот это да.... Твою же... Не верю... — охали слуги, разглядывая несметные сокровища, сверкающие в лучах фонарей.

Даже смотритель невольно поддался очарованию богатства и попытался выудить из кучи серебряную вазу с золотым узором. Не вытащил — тяжелая.

— Господин, посмотрите, — непочтительно затормошил босса доктор, показывая лучом фонаря на дальнюю стену с широким столом в самом углу.

В овале света под слоем пыли тускло блестели, поглядывая на гостей крупными самоцветами, странные предметы, разложенные на поверхности.

— Артефакты! — ахнул босс, нетерпеливо растолкал слуг и направился к столу. — Старик, вы идиоты! Вас не зря вырезали! Иметь такое... такое... И не победить! Я бы смел половину мира, а вторую купил бы!

Замерший в кресле полутруп поднял веки, вновь их закрыл и одними губами прошептал фразу, до которой никому не было дела.

— Все... проклято...

Вокруг него откровенно резвились, швырялись золотом, серебром, украшениями, пока начальственный голос не повелел прекратить, потому как надо немедленно все выносить, иначе прилив вновь запечатает скалу.

Через минуту группа слуг, нагруженная самым ценным — артефактами той эпохи, когда допускалось применять все, что вело к власти и силе, — под бдительным оком господина покинула хранилище. Сейчас даже на личных территориях княжеств, в защищенных от бдительного взора императора убежищах, подобного себе не позволили бы. Потому что новую вещь, выкованную на крови и боли, рано или поздно заметят, и наказание не заста-

вит себя ждать. Но старое, древнее — этим дозволялось пользоваться. Если хватит духа.

— Посторожи тут пока, мы быстро. — Щеголь напоследок хлопал старика по плечу и положил свой фонарь на безвольное перекрестье рук.

Через пару минут шаги затихли. Еще через десять минут старик пошевелился. Невероятным усилием разум заставил мертвое тело жить и подчиняться. Не ради жизни, ради чести.

Под скрип инвалидного кресла некогда могучее тело поднялось на ноги, но рухнуло на коляску вновь, на этот раз сбоку. А после новой попытки старик смог, став сзади, упасть грудью на спинку кресла, после чего зашагал к видимой только ему одному цели — голой стене слева от входа.

На середине пути пол и стены резко трянуло, посыпалась известка с потолка. Позади послышался сильный удар металла о камень — это двери поспешили закрыться.

— Охраняется... не нами... — упрямо продолжая путь, шептал старик. — Заперто... не нами. Заперто... не от нас. — Он делал шаг за шагом, опираясь всем телом на кресло. — До тех пор... пока не будет... нарушено слово!

Последние фразы он говорил монолиту стены, упираясь в него лбом. Каталка валялась рядом, отброшенная яростным жестом. Свет упавшего фонаря отбрасывал огромную тень, изменявшуюся от каждого движения старика, — будто не он, а человекообразное чудовище сейчас тяжело дышало в подземелье мертвого рода.

Старик залез тремя пальцами себе в рот и выщелкнул нижний коренной зуб.

Керамический ключ блеснул слюной — там, где полагалось быть корню, стоял витой стержень с десятком насечек на нем. Через секунду ключ, упрямо удерживаемый дрожащими руками, вжался острием прямо в поверхность стены. И глухая поверхность без единой трещинки и щели будто сдалась чужой воле, протаяла и приняла ключ в себя.

Плоскость вздрогнула, медленно заскользила внутрь. Только тогда старик позволил себе рухнуть на пол, не спуская взгляда с открывающегося лаза. То, что было великой надеждой рода, но стало его великим проклятием, получит шанс забрать души его врагов. Тех, кто дал слово, но не уследил за жизнью его жены. Слово... Нарушено...

— Лида...

Каменная плита скользнула вбок. И старое зло с гулом вдохнуло воздух нового тысячелетия.

ГЛАВА 1

Спустя тринадцать лет после открытия тайника

Бледно-розовая вода стекала по эмали раковины, унося вместе с прохладой грязь и боль, затаившуюся в разбитых пальцах. Из зеркала хмуро поглядывало отражение — растрепанное, в порванном костюме, без пуговицы на воротничке рубашки, со сбившейся набок алой бабочкой.

— Как первое сентября? — бесшумно появился за спиной старик.

— Было интересно, — поделился я впечатлениями.

— Познакомился с классом? — без особых эмоций спросил он, доставая из шкафа справа от зеркала две стерильные упаковки и антисептик.

— Кое с кем.

Мои руки легли на предложенное им полотенце и были аккуратно освобождены от влаги.

— Как они тебе? — Наставник сноровисто наложил мазь и теперь бинтовал правую. — Вот тут придержи, вот так.

— Дружные, — поморщился я от прикосновения ткани.

— Один за всех? — поднял взгляд мой учитель, домоправитель, а теперь еще и врач.

— Все за одного, — пожал я плечами, подставляя другую руку.

— О чем спорили?

— О различиях между людьми. Вот тут немного давит.

— Сейчас лучше? — поправил он узел.

— Да, спасибо. — С искренней признательностью я посмотрел на плотные, похожие на варежки, повязки.

— Хоть не на уроке спорили? — Старик строго глянул на меня.

— В парке спорить удобней.

— Тогда ладно, — вздохнул он спокойно. — И что, отличаются люди?

— Если очень сильно настаивают на своем, то да.

— Чем же? — поинтересовался учитель, складывая перевязочные материалы обратно в шкаф.

— Разбитым носом. Хотя они что-то говорили про происхождение и право приказывать.

— Вот как, — старик досадливо пожевал губами. — Впрочем, я примерно так и представлял. Час назад к воротам подъехали две машины, постояли, полюбовались на княжий щит над калиткой и усовистали по своим делам. Почему-то сразу на тебя подумал.

— Чуть что — сразу я?! — искренне возмущился, покидая ванную комнату.

— Потому что все остальные уже были дома, — назидательно поднял наставник палец вверх, выходя следом. — А потом приехала машина из школы и забрала твоего отца. В связи с этим у меня два вопроса.

— А покормить?

— Переоденься в чистое и пойдем, — покладисто согласился домоправитель, помогая снять костюм. Перевязанные руки не добавляли ловкости. — А пока переодеваешься, ответь мне, отрок, где была твоя голова?! — звенящим от еле сдерживаемой ярости голосом сказал он прямо в ухо.

— Била в переносицу главному, — буркнул я, отводя в сторону взгляд.

В таком состоянии с ним лучше не спорить. Все-таки заслуженный преподаватель, сорок лет стажа — ему такие, как я, на один зуб.

— Головой надо думать, а не бить! Хотя иногда! Они живы?!

— Дышали, когда уходил, — неохотно ответил, кутаясь в растегнутую рубашку и не торопясь из нее вылезать.

Так отчего-то было легче — прямо как под одеялом в детстве.

— Ты должен был уйти два часа назад! — Меня силком вытащили из моего ненадежного укрытия.

— Так я и ушел. — Настал черед майки обеспечивать мою безопасность. Ее-то я надежно держал руками, потому что знал, какой последует вопрос.

— И где ты был все это время?!

— Гулял.

Материя не выдержала и с треском разорвалась по шву. На меня грозно смотрели синие глаза.

— В таком состоянии? Ты понимаешь, что в раны могла попасть инфекция?! О чем ты вообще думал!

— Об алиби, — тяжело вздохнув, признался, поднимая взгляд.

Все-таки не чужой человек. Хотя месяца два назад был вполне себе чужой — сидел с коробками, заполненными учебниками и одеждой, дожидаясь транспорта для переезда. Тут-то его папа и заметил, заинтересовавшись обилием школьной литературы. Нам как раз нужен был репетитор — для меня, а дедушка смот-

релся если не как бывший директор, то как заслуженный учитель. Вот и поговорили они о погоде, о делах. А прибывшая через десять минут машина отвезла все добро старика не на вокзал, как до этого планировалось, а к нам в дом.

Отец прямо светился от радости — в чужом городе найти хорошего специалиста очень сложно. Тут знакомства нужны, а где их взять? Да и хорошие люди — они без дела не сидят, все на своих местах. Иначе какие они хорошие? Так что столкнуться прямо на улице с нужным человеком, имеющим кучу рекомендаций, а потом еще убедить его отложить поездку на юг ради моего обучения — серьезный повод для радости! Для всех, кроме меня. Потому что учитель оказался страшным человеком с тяжелым нравом и металлической линейкой, которой умел громко стучать по столу. Меня он бить не мог, хотя наверняка хотел — я ведь ничего толком не знал по огромному числу предметов. А не мог он этого делать по договору с нашей семьей — оказывается, личные учителя, они как врачи. И, как врачи, не имеют права вредить подопечным, а также рассказывать о том, что услышали или увидели во время своей работы. Потому наставника легко пускали за общий стол, обсуждали вместе с ним самые разные вопросы, частенько получали дельные советы, а через две недели как-то и вовсе стали считать членом семьи. Опять же — все, кроме меня. Я взрослым не особо верю, а уж бывшим школьным директорам — тем более.

Мое отношение изменил Федор, мой новый брат. Новый — не потому, что новорожденный, а из-за того, что старого никогда не было, как и семьи. Месяц назад появилась — то ли они меня нашли, то ли я их. Просто там, в руинах полуразрушенного города, среди толп беженцев, которых записывали в добровольное рабство, я был нужен им, а они — мне. Потом оказалось, что мы действительно нужны друг другу — осиротевшая на маму семья из брата, двух сестер и отца нуждалась в ком-то, кто сможет отвлечь от не затянувшейся раны, а я всю жизнь мечтал услышать слова «сын» и «брат».

В общем, брат сказал, что я зря боюсь старика. Был бы Федор просто добрым и умным парнем, которым и является, я бы просто потрепал его по волосам (а я и не удержался!), а потом делал по-своему. Но Федор, как и вся семья, не совсем обычные — они видят «Искру Создателя» внутри вещей. Не знаю, что это такое, — так и не разглядел ни разу. Дар помогает создавать волшебные предметы, собирая самоцветы с «искрой» в красивые украшения, способные защитить и уничтожить, ободрить и ослабить. Говорят, в нашей империи всего шесть семей, способных делать такое, и не всякому их работа по карману.

У меня тоже есть своя «искра» — между пальцев, обрадовавшись, что о нем вспомнили, незаметно крутанулса крохотный

электрический огонек. Есть свой талант, доставшийся от родителей, которых я никогда не знал, но обязательно найду... Но все это — видимое остальным людям.

А Федор вдобавок различал «искры» в людях, и, как он признался по секрету, те «искры» тоже бывают очень разными, у хороших и плохих, сильных и слабых. Потому меня легко приняли в семью, буквально через полчаса после встречи. И потому, наверное, мне не следовало бояться нового учителя. Федор сказал, что внутри у него сияет суровое пламя — почти белое, с легким алым отливом, сжатое в тугий ком красными и желтыми лентами. Но когда старик смотрит на меня, его «искра» наливается нежно-зеленым и стихает, как шторм внутри векового леса. Брат умеет красиво говорить, хоть и вдвое младше меня.

Для меня все это было настолько необычно, что я перенял отношение семьи к старику и с осторожностью принял его в друзья. Сразу стало легче учиться — другу можно признаться в своем незнании или попросить еще раз все повторить. С учителем так вроде бы нельзя... Наверное... Никогда не учился.

В интернате, где я жил до этого, мое имя упоминалось только в медкарте донора, спрятанной там же, где и изъятое из архива личное дело. Меня как бы не было, а значит, и учить было незачем. Все мое существование сводилось к тому, что я должен был подарить еще несколько лет жизни очень богатому человеку. Но я учился им назло, только не химии и литературе, а сложным процентам, с помощью которых управлял должниками, прикладной химией для производства товара, экономикой подпольной продажи — в интернате много свободных рук, а у меня были много свободного времени и воля. Наверное, поэтому я выжил, а мои враги — нет. Только моих знаний недостаточно, чтобы пойти в школу, как и положено нормальному человеку в нормальной семье. Чтобы это исправить, как раз и требовался учитель.

За пару месяцев сложно усвоить достаточно для того, чтобы не смотреться странно в новом классе, но я очень старался и занимался с перерывами только на сон и еду. Получалось, что со стариком я виделся и разговаривал гораздо чаще, чем с семьей, и вскоре дружба переросла в доверие — достаточно, чтобы предупредить, что ничем хорошим этот восьмой класс для меня не кончится. Не поверил.

— Так, — тяжело вздохнул учитель, откидывая обрывок майки на пол и падая в кресло. — Ты побил... Сколько там их было?

— Трое. — Я повернулся к шкафу за одеждой.

— Побил троих одноклассников. А затем ушел создавать себе алиби, я верно понимаю? Ты их, случайно, дубиной по голове не треснул, чтобы им память отбило?

— А что, так можно? — заинтересовался я, повернувшись.

— Максим! — рыкнул наставник тем самым голосом, после которого всегда хотелось сесть прямо и усиленно решать задачи. — Зачем тебе алиби, если они прекрасно помнят твое лицо?!

— Да мне не для них, — отмахнулся я.

— Очень интересно, — сардонически хмыкнул старик. — А для кого же?

— Я имею право хранить молчание!

— Предлагаю сделку — ты говоришь мне чистую правду.

— И? — Я настороженно ожидал продолжения.

— На этом сделка заканчивается.

— Так себе предложение. — Подыскав в гардеробе целую майку, шустро натянул ее на себя, накиннул рубашку.

— Зато я всем скажу, что ты был все это время в саду, в этой деревянной коробке на дереве.

— Это штаб!

— Хорошо-хорошо! — поднял он руки вверх.

— Да говорите, что хотите, — буркнул я, застегивая пуговицы на рубашке. — Я вам сразу сказал, не мое это — школа.

— Школа необходима, — вернул старик поучительный тон. — Как и высшее учебное заведение. Они дают навыки общения и социализации, плюс знания.

— А морды бить — это общение или социализация?

— Скорее, второе, — осторожно произнес он.

— Так директору и скажу, — качнул я головой.

— Но школа как раз учит искать способы решения конфликтов без драки. Доказывать свое мнение в дискуссии, а не на кулаках!

— Да понял я, — вздохнул, надевая домашние брюки.

— Так для чего тебе нужно было алиби?

— Да этот, Пашка, хвастал, какой у него отец крутой. И корабли у него большие. — Я поправил штанину и застегнул ремень. — Богатые они. И охрана его встречает-проводит каждый день.

— Просто так хвастал? — уточнил старик. — Ты ничего ему не говорил?

— Угу. Я же пешком пришел и пешком собрался уходить. Он ведь не знал, что мы в трех минутах от школы живем, думал, на остановку иду. Вот и начал друзьям рассказывать, что вот такие будут ему служить и трюмы, когда вырастут, драить на его корабле. Мы поспорили. Я сломал ему нос. Потом я сломал носы его друзьям. Потом я сходил в порт и затопил его корабль.

— Нет, в целом ты прав... Что?! К-какой корабль?!

— Там на борту герб, как у Пашки на лацкане формы. Большой такой корабль, — очертил я руками силуэт. — С кучей контейнеров.

— Так, — закрыл учитель глаза.

— Да никто не видел, — пожал я плечами.
— Как. Можно. Не. Заметить. Тонущую. Баржу?! — отчеканил он фразу.

— Так там нефтяной танкер горел, ничего же не видно.

— Максим!!!

— ... А танкер врезался в баржу. Там людей уже не было — рулить некому, все на берег ушли.

— Еще что-нибудь ценное пострадало? — Старик начал мазировать себе виски.

— Бабочка моя, — вздохнув, я погладил чуть потемневший алый лепесток ткани. — Но вроде еще можно отстирать. Пара нитей, правда, совсем закоптилась. Или мне кажется?

— Максим!!! Ладно. Стоп. — Он с силой провел ладонями по лицу. — Я тебя разве не учил, что нельзя топить и сжигать корабли?

— Нет, — честно попытался припомнить все уроки. — Зато мы разбирали основы пожарной безопасности. Представляете, они их совершенно не соблюдают!

Из-под ладоней донесся тихий стон.

— Если тебя узнают... Ты хоть понимаешь, что будет? С тобой, с твоей семьей? Если бы сегодня не было над воротами княжьей защиты, нас всех уже могли сжечь!

— То есть им можно сжечь нас, а мне нельзя топить их корабли? — напрягся я.

— Мы живем в мире, где нельзя доводить дело до драки, до пожаров и смерти, до утонувших кораблей!

— Где простолюдины служат, а аристократы правят?

— Не так! Это детские слова, слова мальчишки, который совсем ничего не понимает! И ваша драка — детская ссора, которая должна таковой и остаться!

— Но в наш дом приехали до того, как я добрался до порта, — холодно заметил в ответ. — Значит, не все детские дела остаются детскими.

— Поэтому старайся разрешать все конфликты на словах, — обескураженно отвернулся учитель. — У тебя странная школа. Там не должно быть таких детей. И таких родителей. Они обычно сходят с ума, если жизнь ребенка под угрозой. Но могут простить обидчика, если поединок велся честно. Только прощение иногда приходит после глупого и жестокого поступка.

— То-то я Пашку уже полчаса как простил.

Старик жег меня хмурым взглядом.

— Забудь этот момент своей жизни. Даже не вспоминай, что это случилось из-за тебя! Заруби себе на носу — оно само, ты тут ни при чем!

— Это мое жизненное кредо, — важно отозвался я, но предпочел притихнуть, учуяв очередную волну гнева.

— Скорее всего, твой Пашка больше к тебе не полезет, — успокоился учитель.

— Из-за боли?

— Из-за герба над нашими воротами, — отрицательно качнул наставник головой. — Отец ему запретит. А сегодня еще директор предупредит других родителей. В произошедшем был и его просчет.

— Главное, чтобы к мелким не лезли, — вздохнул, вспомнив Федора и сестер — как прошел их день, я пока не знал.

— Но даже не мечтай, что все для тебя этим закончится! Если отец Пашки мелковат душой, он постарается тебе тайно отомстить. Сейчас вряд ли, ты ему создал проблемы... Но потом, когда он со всем разберется...

— Ну, у него еще много кораблей, — рассудительно заметил я.

— Максим! Даже думать не смей!

— То думай, то не думай... — заворчал я для порядка, бросая испорченную одежду в корзину.

И вообще, надо прибраться. Скоро отец придет из школы, а ведь каждый знает: чистая комната — это первое смягчающее обстоятельство.

— Думай! — хлопнул старик ладонью по колену. — О последних в первую очередь. Следи, что у тебя за спиной! А еще лучше — устрой новую драку и проиграй Пашке.

— Исключено.

— Тогда подружись с ним! Найди в нем хорошее. Ведь не бывает совсем плохих людей, верно? — вкрадчиво спросил учитель и просительно посмотрел мне в глаза.

— Бывают, — припомнил я свое прошлое.

— Пойми, работая кулаками, ты наживешь себе только врагов, — с напором произнес он. — У этих врагов будет могущественная родня. Если о себе не думаешь, о семье вспомни — месть, она ведь не только по тебе ударить может.

— И как подружиться? — без энтузиазма спросил я. — Там уже свои компании, группы по интересам. Я пришел чужим сегодня утром и таким же ушел.

— Ни с кем не поговорил? Ну, кроме этих троих.

— Говорил. Но они странные, скучные. Все как будто собрались жить не сейчас, а года через четыре, когда окончат школу.

— Значит, попробуй увлечь их теми делами, которые интересны тебе! Тяни за собой, становись лидером!

— Как? — вздохнул я, не зная, каким способом это осуществить. — Как мне им понравиться?

— Даже не думай! — вскинулся учитель. — То есть, я хотел сказать, не вздумай стараться нравиться! Не лебези. Будь самим собой и не ломай себя ради других! Они такого совсем не поймут, просто раздавят и перестанут с тобой считаться.

— Тогда вообще не вижу вариантов, — покачал я головой.

Мои старые друзья сделали друзьями безо всяких ухищрений — просто однажды мы стали плечом к плечу.

— Будь источником их побед. Это самый лучший способ, — произнес старик и даже подошел, чтобы положить руку мне на плечо. — За победу тебе простят все и станут лучшими товарищами.

— И где ты победу найти? — поискал я ответ в его повеселевшем взгляде.

— Я тебе дал подсказку, остальное делай сам. И вот что, идем есть, второй раз греть я не стану.

Победу, значит. Я на ходу почесал затылок. Хм!

— Я на минутку! — под укориженным взглядом домоправителя свернул по лестнице направо.

Под ногами закрипели старые половицы. Отец давно грозился все тут починить, но каждый раз откладывал, просиживал ночами в мастерской над княжеским заказом. Дело не в деньгах, работа на хозяина этого города и окрестных земель давала нам защиту — ту самую прямоугольную дощечку над калиткой. Папа посчитал это важным. Ремонт дома он тоже считал важным, как считал важным не делать два важных дела одновременно. Потому паркет на втором этаже скрипел под ногами, стены украшали портреты незнакомых людей, а в подвале пахло сыростью. И неизвестно было, когда на ремонт появится время — заказ огромен, отец занят с утра до ночи. Он частенько призывал на помощь брата и сестер. Я тоже рад бы помочь, но ювелирное дело моей новой семьи передается по наследству, как цвет глаз или волос, поэтому меня не звали, хоть и глядели каждый раз виновато и даже приглашали иногда посмотреть на работу.

— Федор, говорят, ты лучший мастер в своем классе? — начал я с лести, предварительно постучав в дверь к брату.

Комната Федора выглядела точной копией отцовской — тот же огромный зал, разделенный рядом шкафов на кабинет и мастерскую, тот же стол — только чуть ниже, для удобства. И такое же черное кожаное кресло, в котором брат сидел, как на троне, настолько оно было велико.

— Пожалуй, да, — с важным видом сцепил он руки на животе и откинулся на спинку кресла. — Хотя во втором «Б» Женька делает отличные самолетики.

— Не важно, — отмахнулся я от пока не нужной авиации. — Сделаешь мне огромного робота-убийцу?

— 3-зачем? — замешкался брат, удивленно округлив глаза.

— Чтобы он держал в ужасе весь город, а потом я пришел бы и его победил? Ну, не один победил, — тут же исправился, вспомнив о главной цели задумки. — Со мной еще трое будут.

— Это ведь робот должен быть размером с дом. — Брат задумчиво почесал подбородок и пододвинул к себе блокнот и ручку. — Нет, слишком тяжелый, проваливаться станет.

— Так, а если для нападения только на школу? — упростил я задание.

— Это можно, — великодушно согласился он и нацарапал на листке что-то паукообразное. — Вооружение?

— Зубы и хвост, — навис я над его плечом и с интересом наблюдал, как к рисунку добавилось несколько штрихов. — А это зубы или хвост?

— Это зубы на хвосте! — весомо заявил брат. — Подвижные части в одном узле! Легко менять.

— Да для одноразового пойдет, — отмахнулся я. — Мне главное его победить красиво.

— С жертвами, без? — деловито уточнил Федор.

— Лучше бы, конечно, с жертвами, но пойдет и сломанная рука. Можно ведь?

— Это задача, — цокнул брат. — Может, руку до нападения сломаем?

— Хотелось бы не мне, — честно признался я.

— Что-нибудь придумаем, — к рисунку добавилась запись мелким почерком: «Ломатель руки! Срочно!»

— И чтобы рычал грозно и гонялся за всеми по коридорам.

— С искусственным интеллектом сложно, — покачал брат головой. — Его еще не изобрели. Только радиоуправление!

— А если посадить внутрь собаку? — задумался я. — У меня Лайка есть. Знаешь, как рычит? И меня точно не обидит.

— Хм... — Федор парой штрихов добавил кабину для хвостатого пилота и четыре рычажных привода для лап. — А ты точно сможешь победить? — засомневался он, поглядывая то на получившуюся конструкцию, то на меня.

— Конечно! — возмутился я. — Это ерундовое дело — одна котлета, и мир спасен.

— А если у кого-то другого найдется котлета?

— Ой, да кто в школе носит с собой котлеты! — отмахнулся я. — Кстати, будешь?

— Тогда может сработать, — признал Федор, отмахнулся от упаковки с бутербродом и дважды подчеркнул результаты предварительного планирования. — Только я сразу все сделать не смогу, мне подучиться надо.

— Время есть, — похлопал я его по плечу. — Месяца два точно.

— А, нормально, — успокоился брат, вывалил на стол толстенный справочник по электронике и открыл его на первой странице.

Одной проблемой меньше.

— Спасибо! Обедать пойдешь?

— Нет, я уже ел, — задумчиво пробормотал он, погружаясь в текст.

Тихонько, чтобы не мешать, я покинул его кабинет, прикрыл за собой дверь и вновь заскрипел по паркету, направляясь на кухню.

— Максим, я в город, — окликнул учитель, когда я проходил мимо. — Уроки сделай, приду — проверю.

Тут же хлопнула дверь, оставив меня наедине со звенящей тишиной дома — верный признак того, что сестры в мастерской у отца. Потом к ним зайду — потому как не тронь лихо и не придется снова переодеваться в чистое. Мелкие сестры унаследовали от Федора привычку забираться на плечи, используя ноги и зубы, а я надеялся предстать перед отцом в приличном виде.

На обед сегодня была разогретая манная каша, щедро политая маслом. Наверное, вкусная — оценил я, однако проверять не решился, отодвинул от себя. Но тут за окном резко затормозила машина, выпуская из задней дверцы разозленного отца, и я с энтузиазмом взялся за ложку. Потому что пока человек ест, его трогать нельзя, это каждый знает.

Раздраженно хлопнула входная дверь, на кухню быстро прошагал папа, нацелился на кувшин с водой. Замер, глядя на меня, увидел замотанные бинтами руки, нахмурился, но так ничего и не сказал, молча взял воду и стакан.

— Зайди ко мне, после того как поешь, — донеслось из коридора.

Резко захотелось добавки этой чудесной и волшебной каши — эдак порции на четыре, чтобы есть маленькой ложкой, дотянуть до ночи и тихонечко просочиться к себе в комнату, а утром улизнуть из дома, пока никто не проснулся. Но это для трусов. Так что, поковырявшись без аппетита и даже кое-что съев (отчего чувствовал себя уже наказанным — если не за танкер, то за драку точно), через полчаса отправился к отцу.

— Ты все сделал правильно, — молча пободавшись со мной взглядами, все-таки выдохнул папа, положив сцепленные замком руки на стол.

Я тихонько сидел напротив, положив руки на колени и выпрямив спину. По бокам адвокатами пристроились Катя с Тоней и сурово поглядывали на отца.

— Но драться — плохо, — скорее для сестер, а не для меня упрямо сообщил он. — Хотя иногда нужно, не спорю. Но делать это лучше по правилам!

— То есть их должно быть четверо? — удивился я.

Рядом в тон мне хмыкнула Тоня, а Катя осуждающе покачала головой.

— Нет, — сощурившись, словно от головной боли, произнес отец. — Девочки, я вас прошу, погуляйте во дворе полчаса.

Сестры синхронно скрестили руки на груди.

— Да не буду я его ругать! — Не уловив ни единого движения, отец достал ключ из верхнего ящика и отправил его по поверхности стола в нашу сторону. — Можете покататься на машине.

— Ю-ху! — Сестры вихрем слетели с подлокотников, смахнули со стола ключ и мигом испарились из комнаты.

— Только вокруг дома! — обратился отец к закрытой двери.

— Хана машине, — спокойным тоном вынес я вердикт, расстроившись как из-за симпатичного внедорожника, так и из-за двух плиток шоколада, отданных этим легкомысленным существам за защиту.

— Нет, это ключи от гаража, — отмахнулся папа, слабо улыбнувшись. — Пока разберутся, пока вернутся обратно, у нас с тобой будет минут пять... — замялся он, не зная, как продолжить.

— Что там с правилами? — помог я ему, поудобней устраиваясь в кресле.

— Правила, точно. — Отец потер подбородок, скользнул взглядом по поверхности стола и привычным жестом пододвинул к себе блокнот с карандашом. — Вот смотри, мы все — ты, я, Катя, Тоня, Федор живем в обществе. Как и твои одноклассники. Как и все люди.

Карандаш очертил большой круг посередине листка и остановился в его центре.

— У этого общества есть правила, — продолжил отец, заключая круг в квадрат. — Пока мы придерживаемся этих правил, общество соблюдает их относительно нас. Если мы правила нарушаем, то выходим за грань круга.

— Я понимаю, — кивнул терпеливо.

— Думаю, не совсем, — отрицательно покачал он головой. — Вышел ты за рамки или нет, решаешь не ты. Решают те, кто видит тебя и может свидетельствовать о мотивах твоих поступков. Когда ты побил этих троих в парке, рядом с тобой не было никого, кроме обидчиков.

— И они сказали, что это я все начал? — приподнял я бровь.

— Именно так. — Отец согласно кивнул. — Один из трех детей, Ян, сказал, что ты первый ударил Пашу Зубова. Головой в

нос. Я, разумеется, не поверил. — Он поднял руки, пресекая мои справедливые возражения.

— Ссориться надо при свидетелях, — хмуро озвучил я результаты урока.

— Верно, — чуть улыбнулся папа. — Но лучше вообще не ссориться. А если решишься, то при ссорах в вашей школе тоже существуют правила — дуэльные. Оказывается, для этих дел на территории школы есть отдельный полигон.

— И там можно бить друг другу лица? — не поверил я.

— Не все так просто — для начала вас выслушают преподаватель и психолог, попытаются примирить, и уже потом деритесь под присмотром врача.

— А там надо перчатку в лицо кидать, да? — деловито поинтересовался я, представив толстое лицо Яна — точно не промахнусь. — А можно сразу железную и с размаха?

— Для вызова хватит просто слов.

— А если откажется?

— Это дуэль! Никто, уважающий себя, не может от нее отказаться без урона чести! Разумеется, для вызова должна быть причина, понятная окружающим, иначе все вновь обернется истерикой охраны и надуманными обвинениями. Не вынуждай меня снова звонить князю! То есть я хотел сказать... — осекся он и с досадой притих.

— Все так плохо, да?

— Нормально, — чуть раздраженно отмахнулся папа. — Отец этого Павла на особом счету. Почти все речные перевозки под его рукой, одних только кораблей сорок восемь.

— Сорок шесть.

— Ну, может, и сорок шесть, — пожал папа плечами. — Но у него привилегия на беспошлинную торговлю во всех княжествах вдоль реки, тем он и ценен. Перед ним, конечно, не лебезят, но то, что ребенок его в нашем городе, налагает на князя определенные обязанности по его защите.

— А тут ему нос разбили, — виновато продолжил я. — Что теперь будет?

— От князя — ничего. Ребенок жив, а на дальнейшее князю плевать, — махнул папа рукой. — Не забивай голову, не станет он суетиться из-за обычного дворянчика. Но вот сам Пашин отец...

— Смотреть, что происходит за спиной. Желательно подружиться с Пашей, — озвучил я рецепт, за что удостоился удивленного взгляда отца. — Учитель подсказал.

— Умнейший человек, — согласно качнул он головой. — Повезло нам с ним.

— А вот насчет общества, — заерзал я на месте, глядя на пространство блокнота за чертой круга. — Что будет, если рядом со мной и врагами опять не окажется свидетелей?

— Старайся этого не допускать и иди к людям... — протянул он, поймав мой терпеливый ожидающий взгляд, хмыкнул и одним движением широко распахнул верхний ящик стола. — Верно, не от всего можно просто убежать, и далеко не все согласны соблюдать правила.

Он достал несколько предметов из ящика и положил первый из них на стол. На меня глянул блеклый прозрачный камень в навершии небольшого кольца.

— Это поможет тебе убежать. Закроешь глаза, добавишь Силы, будет очень яркая вспышка. Работает один раз, после чего можно выкидывать. — Он перевел взгляд с кольца на меня. — Бери.

— Спасибо, — искренне поблагодарил я, принимая подарок.

— На палец не надевай, храни в кармане, — проинструктировали меня, одновременно выкладывая в ладонь новое кольцо — простое, серебряное и без камней, хотя и толстое.

— Камни запечатаны в металл, — пояснил папа. — Эта вещь защитит в радиусе метра, но лучше предварительно присядь, а лучше прижми ноги руками и постарайся откатиться в сторону. Действует в зависимости от силы удара, но десяток секунд у тебя будет наверняка. Его носи всегда.

— Здорово!

— Да и сам ты вроде как не промах, — подмигнул он мне, пряча последнюю вещицу в кулаке и намереваясь положить ее на место.

Хм, интересно! Я задумчиво проводил его руку взглядом, пытаюсь найти подходящую причину, чтобы заполучить кольцо.

— А если бежать никак не получится? И враги сильнее?

— Тогда... да. — Он посмотрел на свою руку, хлопнул сжатым кулаком по столу, но все-таки разжал его и дал еще одному колечку украсить собой стол. Необычное, с десятком желтых камней и черным ободом, оно напоминало многоглазого паука, сжавшего лапки. — Тогда используй вот это.

— Оно убьет врагов? — любопытствовал я, с опаской касаясь обода подушечками пальцев.

— Оно убьет тебя, — устало улыбнулся отец. — Совсем, на один день. А через день ты проснешься здоровым, целым и невредимым. Подгадай к вражеской атаке, используй кольцо с защитой, а потом и это. Будет немного больно, зато кольцо не оставит после себя следов и исчезнет. Не носи напоказ, но всегда держи при себе. В жизни... все бывает. Вот у меня было такое кольцо, у

Федора, Тони, Кати, — зажмурил он глаза. — Поэтому мы живы. Извините...

— Папа, мне нужно килограмм сто авиационного алюминия, — деловитой стрелой влетел в комнату Федор, пронесся мимо книжных полок, по пути нагружая себя различными справочниками.

— Тебе зачем? — удивленно спросил отец, наблюдая, как сын складывает поверх солидной стопки свежий каталог по сервомоторам.

— Для Бруно!

— Какого Бруно? — настороженно уточнил он.

— Боевого робота-убийцы номер один.

— Федор, немедленно объясни!

— Да это не для меня, это Максим просил.

— Максим! — рыкнул папа.

— Да я хотел сделать робота, чтобы тот напал на школу.

— Какой хороший у меня сын, вы посмотрите!

— А потом бы мы вместе с Пашей его победили и помирились, — протараторил я, не давая вставить очередное едкое замечание.

— Ну... не лишено смысла, — подавился заготовленной фразой папа. — Хорошая идея.

— Правда?

— Нет!!! Никаких роботов-убийц!

— А если просто робот? — просительно уточнил я.

— Ма-аленький... — тихо пискнул Федор. — Со щеночком.

— Каким еще щеночком?!

— Ну, роботу нужен пилот, — важно заметил я.

— Так, стоп! Тишина! Все из-за щенка, да? Хорошо! Будет тебе щенок, но следить будешь сам!

— Ю-ху! — подпрыгнул Федор, тут же ойкнул и завалился по комнате, стараясь не уронить всю стопку с книгами.

— Но никаких роботов-убийц!

— Ладно, — выдохнули мы с братом.

— Удачи! Я в штаб! — протараторил брат, скрывшись с книгами за дверью.

— Максим, — с осуждением, будто мое имя — уже проступок, произнес папа. — Я рад, что ты подогреваешь интерес Федора к технике и нашему ремеслу. Я даже дам материалы для небольшого робота-игрушки... Но пожалуйста...

— Все понял, никаких роботов-убийц, — поднял я руки. — Придумаю что-нибудь еще.

— Мирное! Без жертв!

— Мирное, без больших жертв, — со вздохом согласился, оставив себе небольшую лазейку.

Папа хотел было тут же меня поправить, но в этот миг со двора донесся азартный рык мотора, резкий взвизг шин и глухой удар бампера о дерево.

— Девочки! — изменился папа в лице и мигом вылетел из комнаты.

— Какая разница, что у них нет ключей, если у Федора они есть! — мудро заметил я, глядя из окна на покосившуюся яблоню, подпертую белым внедорожником. А затем вернулся к столу, подхватил черное колечко, поднес к глазам. — Надеюсь, до тебя дело никогда не дойдет. — Положил его в нагрудный карман.

ГЛАВА 2

Черное полотно покрывало поверхность залива, грязной кляксой расплзаясь вниз по течению. Изредка по нему проходили низкие волны, словно река под нефтяным кляпом пыталась вдохнуть хотя бы немного воздуха, но вновь теряла сознание. И каждая попытка такой борьбы приносила на берег черную взвесь, окрашивая в траурный цвет бетонные сходни и декоративный пляж с некогда белым песком. Над портом не было солнца, оттого каждое черное пятно без единого отблеска казалось вырезанным из цветного мира.

Жуткое зрелище. Но у солидного мужчины, рассматривающего порт с обзорной площадки, было на уме совсем другое прилагательное — дорогое.

Виктор Александрович Зубов, несмотря на типичную внешность борца — толстую шею, узкий лоб и кряжистую невысокую фигуру, уважал финансы гораздо больше единоборств. И состояние скопил не кулаками, а умением подбивать два скучных столбика с доходами и расходами. Внешность — она для деловых партнеров, предпочитающих наличные и ночную загрузку катерами.

Внутри же работал четко выверенный механизм, без труда жонглирующий неповоротливыми цифрами — стоимостью груза и страховых выплат, суммами, нужными на поднятие кораблей из воды и их починку. Издержки, связанные с простоем порта, соединялись с выплатами за вред, нанесенный экологии. Высочайшее недовольство местного князя тут же обретало ярлычок ценника на дорогих подарках. Любопытство журналистов утихомирил крупный заказ на рекламу — достаточный, чтобы в новом выпуске произошедшее описали всего двумя предложениями, показав старое фото порта в солнечную погоду без единого пятнышка на водной глади.

Много расходов, маленьких и крупных, наличными и перечислениями, подарками или обязательствами. Все складывалось в солидную сумму, но вовсе не фатальную — в бюджете имелась отдельная статья, названная «непредвиденные обстоятельства», куда ежегодно отчислялась малая толика прибыли, чтобы однажды быть изъятай для погашения трудностей размером в два потерянных корабля и небольшую экологическую катастрофу. Так что, если бы в трюмах был только официальный груз, все на этом и закончилось бы.

Если бы не шесть тонн груза деловых партнеров в бронированных огневодостойких кейсах, спрятанных под обшивкой баржи, которые смяло ударом танкера, а последующим взрывом разнесло ко всем чертям — для начала по воздуху, а затем смыло водой и основательно перемешало с нефтью.

Виктор Александрович любил точные цифры, но в данном случае мог только догадываться о стоимости груза — ни его характера, ни его предназначения он не знал и никогда им не интересовался. Все-таки он благородных кровей, и лучше не пачкать герб излишне опасной информацией. Почти от любого обвинения можно уйти, прикрывшись титулом и правильно оформленными документами, но со своей совестью приходилось искать общий язык, чтобы не потерять честь, а вместе с ней и солидную толику зависящей от нее Силы. Поэтому все годы взаимовыгодного сотрудничества лучше было ничего не знать.

Единственное, на что имело смысл опереться при расчетах, — так это на заоблачную плату за тайный транзит, аккуратно и без задержки доставляемый в спортивных сумках на один из дальних складов. И если с этими цифрами провести стандартные расчеты, умножить на коэффициент риска, приблизительно представить ожидаемую прибыль... выходило дорого. Очень дорого — даже для бюджета целого благородного рода.

Разумеется, Зубов не считал потерянный груз своей проблемой. Вопрос в том, считали ли так же его деловые партнеры.

Простолюдины, добываясь богатства и собирая под свою руку солдат, частенько начинают считать себя ровней благородным. Это заблуждение легко проходит в битве, когда Сила, заключенная в древней крови, планомерно отнимает жизни врага огнем или водой, землей или воздухом. Она доводит до суеверного ужаса, до паники и бегства...

Но дело в том, что у простолюдинов, добившихся богатства и собравших под свою руку солдат, очень быстро появляются благородные хозяева. Игнорировать требования такого уровня уже не получается. Отчего-то Виктор не сомневался как в наличии хозяев, так и в том, что претензии обязательно последуют — ни

один благородный род не упустит возможности получить положенное с должника.

В таком деликатном деле никто не пойдет в суд, не станет выслушивать историю о коротком замыкании в одном из перекачивающих насосов, опрашивать обескураженных капитанов, технический персонал или читать спасенный корабельный журнал. Экспертные заключения с десятком штампов столичных лабораторий останутся не востребованными. Все ограничится личной беседой, роли в которой расписаны, а ответы на любые доводы известны заранее.

У вас короткое замыкание? Вы плохо следили за кораблем, это ваша вина. У вас нештатная ситуация? Вы отвечаете за нанятый персонал. Вы подозреваете диверсию? В ваши обязанности входила защита груза.

В самом деле, зачем ворошить бумаги, если сильный уже знает выгодное ему решение? Слабому же остается выбирать между смирением и безнадежной схваткой.

Какую роль — сильного или слабого — доведется ему применить?

Впервые Зубов пожалел, что его род так и не вошел ни в один клан, выбрав вместо стабильности и защиты независимость и возможность вести дела с кем угодно. Метаться в поисках господина поздно — никто не любит, когда на его порог приходят с проблемами. Его, разумеется, возьмут, но заберут в клановую казну едва ли не больше того, что могут потребовать хозяева груза.

Как бы пригодился сейчас живой виновник, способный говорить и каяться! Чтобы не глупая техногенная катастрофа была всему виной, а человек! И очень хорошо бы — из числа старых врагов его деловых партнеров, чтобы вместе с его головой отсечь все претензии в его, Зубова, адрес! А может, все-таки найдется?

— Сережа, данные с камер достали?

Референт звучно откашлялся и пошелестел страницами блокнота.

— Виктор Александрович, записи со всех камер близлежащих зданий собирают представители княжеской охраны. Они обещают поделиться.

— Когда? — встрепнулся тот.

— После того как порт будет очищен от нефти и наших кораблей, — с капелькой вины в голосе доложили ему.

— А на наших кораблях не было камер? — раздраженно гаркнул Зубов.

— Были, Виктор Александрович.

— И где они?

— Так это... Половина утонула, половина сгорела, — растерянно сглотнув, вымолвил референт.

— Возьми наличные и обойди все магазинчики, все банки, все заведения в этом районе, где есть камеры, — прикрыв глаза, распорядился босс. — Затем с помощниками выстроишь картину всех перемещений каждого человека в часовом интервале от момента происшествия. Бегом!

Почему им надо рассказывать, как делать их работу?! Или он слишком нервничает? Зубов оправил рукой белоснежную рубашку в районе сердца и на минуту оставил там ладонь, высчитывая пульс. Стандартные семьдесят ударов, тело не боится.

— Виктор Александрович, к вам приехал сын, — тактично пождав, когда господин тряхнет руками после долгой неподвижности, сообщил подошедший слуга, поворачивая голову в сторону двух черных седанов возле ограждения, час назад выставленного у въезда в порт.

Зубов невольно улыбнулся, но тут же собрался и зорко осмотрел пространство вокруг. Порт окружали три круга людей, и если первый — из числа его слуг и работников, выгребавших черную муть с берега — его устраивал полностью, а третий был достаточно далеко, чтобы его разглядеть, то второй круг с портовыми рабочими, временно оставшимися без дела, не совсем соответствовал тому, что можно показывать восьмикласснику.

— Разогнать зевак, подмести асфальт. Затем веди, — повернулся он обратно к воде.

Зубов не был тут хозяином, но и тех, кто мог ему об этом напомнить, тут тоже не было.

Позади раздавались окрики разозленной охраны, сгонявшей недовольных и резких характером мужиков к ограждению. Зашуршали несколько метел, сметая в сторону пластик бутылок и окурки.

Грязь этого мира, видимая и скрытая — не для его сына. С возрастом ему придется столкнуться с разными сторонами жизни, не все открытия будут добрыми. Тем ценнее детство, беззаботное и счастливое, организовать которое вполне под силу его отцу. Втайне даже от себя Зубов-старший искренне надеялся, что жизнь его первенца пройдет в офисе, а не в забегах по всей стране, что налаженное дело освободит от необходимости влезать в темные дела. Хватит, отец всю жизнь карабкался вверх, пытаясь обеспечить себе герб и замшелые бумаги с привилегиями, на которые все плевали, капиталами и боевой силой — достаточной, чтобы его вновь начали звать на рауты как равного, а дарованное прадедам право беспошлинной торговли было узаконено. Пусть сын просто живет, без потрясений и войн, без голода и крови, преумножая величие рода из кресла своего кабинета. Но для этого предстояло еще немало потрудиться.

— Привет, — буркнул сын, скрывая за угрюмостью волнение.

Виктор Александрович улыбнулся, рассматривая свою будущую копию — такого же основательного на вид и непростого характером парня. Правда, еще умеющего смущаться и испытывать чувство вины — за полоску пластыря на носу, к которой невольно потянулся, за проигранную драку, после которой эта полоска появилась.

— Подранили тебя сегодня, а? — подмигнул он сыну и получил несмелую улыбку в ответ. — Голова не болит? Не кружится?

— Нормально, — дернул тот плечом. — Адам Георгиевич смотрел.

— За что воевал? — полюбопытствовал отец, с удовольствием взъерошив сыну волосы.

— Да там, — отклонился в сторону Пашка, освобождая голову из-под отцовской руки и неохотно отвечая куда-то в сторону. — Погорячился.

— Павел Викторович! — построжел Зубов-старший.

— Новенький у нас в класс пришел. Ходит, смотрит на всех свысока, — забубнил под ноги сын. — Как будто мы ему слуги, а он император.

— А имя у твоего новенького есть?

— Максим, — скривился Пашка. — Самойлов Максим.

— Из семьи Самойловых, — продолжая благостно улыбаться, кивнул Зубов. — Что мы знаем про эту семью?

— Н-но... — поднял вверх удивленные глаза парень. — Но у них же Федор!

— А теперь еще и Максим, — одарив отпрыска легким подзатыльником для улучшения памяти, уточнил отец. — Приемный сын, о чем было написано в новостном циркуляре месяц назад.

Павел замер и, вместо того чтобы погладить место удара, задумчиво почесал голову.

— Циркуляры пишутся, чтобы их вдумчиво и очень внимательно читали, — наставительно добавил Зубов-старший. — А не использовали вместо подставки под кружку.

— Все равно бездарь, — тихо буркнул сын, но был услышан и награжден еще одним подзатыльником. — А что он!!! — искренне возмутился Пашка.

— Не он, а ты, — вздохнув, положил старший руку отпрыску на плечо. — Надо быть умнее, сын. Какая разница, есть ли у него дар? Я тебе больше скажу: у его семьи его тоже толком нет.

— Нет? — Паша недоверчиво вздернул голову, чтобы посмотреть отцу в глаза.

— Их Сила в вещах, которые они делают, — поведал он первенцу. — И нам с тобой важно, чтобы эти предметы... ну, продолжишь?

— Они не использовали против нас? — предположил сын.

— Не продали нашим врагам с хорошей скидкой, — качнул старший головой. — А то и подарили бесплатно... Не надо с ними ссориться, сын.

— Я с ним дружить не буду! — упрямо насутился Пашка, коснувшись пластыря.

— Ты опять меня не слушаешь, — недовольно поджал губы Зубов-старший. — Не хочешь — не дружи.

— А как тогда? — растерялся тот.

— Достаточно уважения с его стороны, опаски или небольшой толики страха. Пусть сам держит дистанцию.

— Этот вообще бояться не умеет, — буркнул Пашка.

— Он просто еще не видел, чего должен бояться, — подмигнул отец. — Вот представь, был бы ты ростом как дядя Борис из охраны и с такими же мышцами — стал бы он с тобой драться?

— Нет, наверное.

— А почему?

— Ну, дядя Боря сильный. Он его одним ударом в землю во-бьет!

— Он увидел бы мышцы, увидел бы силу и ощутил страх, — одними губами улыбнулся Зубов. — Даже связываться не стал бы, верно?

— Но я ведь не дядя Боря...

— Ты сильнее, — потрепал он сына по волосам. — У тебя есть дар. Только этот парень не знает. Он видит обычного мальчишку без горы мышц, поэтому не боится.

— Но дар нельзя применять в обычной драке! — возмутился Паша, вспомнив крепко-накрепко, в том числе ремнем, вбитые уроки.

— Тебе не нужно его применять, — терпеливо пояснил отец. — Когда человек видит такого, как дядя Боря, его воображение мигом рисует, как такая махина сносит его с ног. Заметь — он даже не знает, умеет ли противник драться! Так и тебе не нужно его калечить. Просто зажги огонь в руке, и разум твоего соперника уже будет чувствовать боль от ожогов.

— И он станет бояться! — расцвел сын.

— Уважать, — поправил старший. — Так маскируют страх сильные люди. Этого достаточно, больше он к тебе не сунется. Может, сам начнет набиваться в друзья.

— Вот еще!

Виктор Александрович тяжело вздохнул, но упрашивать сына не стал. А ведь было бы неплохо иметь таких союзников.

— Весь мир держится на страхе и уважении, — продолжил он урок, выпрямляясь и закладывая руки за спину. — Наша задача поддерживать их. Во-первых, не лезть в те драки, где мы можем проиграть. Понял, о чем я говорю?

— Не драться на кулаках, — чуть поникнув, кивнул Паша.

— Вот именно. Иногда достаточно слов, чтобы противник проиграл в глазах окружающих. Не матерных, — тут же уточнил отец. — Не надо опускаться до уровня простолюдинов, пусть они сами покажут свою культуру окружающим и зарабатывают их презрение.

— Я понял.

— Хотелось бы надеяться... Во-вторых, надо постоянно напоминать о своей Силе! Для начала — однокласснику, потом этому городу, а потом и всему миру! Чтобы все знали, что с Зубовыми лучше не связываться!

С куражом, рожденным восхищенным взглядом сына, Виктор выплеснул в сторону воды дикую смесь из воли и Силы. Это не его работа, есть люди, которые выполняют ее быстрее и качественнее, но урок должен быть подкреплен ярким впечатлением — достаточным, чтобы запомниться на всю жизнь.

Черная поверхность залива пошла ощутимыми волнами, закручиваясь против часовой стрелки — первые минуты медленно, но с каждой секундой все быстрее... она будто бы поднималась в самом центре над водой!

Рядом восхищенно раскрыл рот сын, вцепившись в перила обзорной площадки. Зубов отметил это довольной улыбкой — как и то, что вокруг не оказалось ни одного равнодушного к происходящему. Только охрана дисциплинированно отвернулась от взбесившейся воды, бдительно наблюдая за публикой, — будет им премия.

В небо над портом вытягивалось монструозное черное веретено, сотканное из нефти, собранной волей одного человека с десятка тысяч квадратных метров. Шипела падающая вода, гудел воздух под напором чужой воли, радостно вопил сын, не слыша себя за всеобщим грохотом.

— Подожди его! — наклонившись к уху сына, прокричал Зубов.

— А? — не сразу понял Пашка.

— Поднеси огонь!

— Далеко! — кивнул было сын, но потом мотнул головой, оценив свои силы.

— Я верю в тебя! — хлопнул его по плечу отец, на пределе воли продолжая удерживать заклинание.

— Хорошо, — не подкачал наследник и, упрямо закусив нижнюю губу, зажег над ладонью крохотный огнешар.

«Нормально, — с отцовской гордостью отметил Зубов. — Понимает, что хватит и искры, а так меньше Силы и лучше контроль».

Огненная точка стремительно унеслась к стонущему в небесах веретену, почти сразу же исчезнув из вида — и только по сосредото-

точенному лицу Пашки было понятно, что огонек еще жив и продолжает движение к цели по прямой.

Момент завершения пути крохотного огонька увидели все в городе — как полыхнул самый край, как огонь узкой лентой достиг вершины, скользнул кольцом вниз и будто бы взорвал огромный факел целиком.

Виктор до крови прикусил щеку, пытаясь помочь огню сына, нагнетая волну за волной воздух, стараясь удержать всю конструкцию целиком. Свои силы он изрядно переоценил, но какой позор для чести, если все рухнет сейчас в воду! Ради славы рода, ради сына, ради чести тянул он из себя Силу волна за волной, одержимый желанием удержать волшебство в узде, и это ему пока удавалось. А через минуту, когда огонь основательно подъял часть массы, растворив ее чадным дымом по небу, пришло приятное осознание, что все у него получилось. За следующие десять минут нефть вместе с тем самым неудобным грузом обратилась облаком пепла и жирной пленкой, осевшей на воде и берегу. Мелочи, слуги подчистят.

— Вот так вот, сын, — ответил он улыбкой на взгляд, полный обожания. — Пусть город помнит, что такое «стихийный мастер».

— И боится! — с восторгом подхватил Пашка.

— Господин, — объявился откуда-то референт, пришибленно глянул на босса и протянул ему белоснежный конверт с золотым вензелем. — Секретариат князя.

Настроение ухудшилось, Зубов разорвал печать и, скривившись, вчитался в цифры очередного штрафа за ущерб, нанесенный экологии.

— Но бояться не все, — вздохнул он, комкая бумагу в руке.

— А кто не боится? — полюбопытствовал сын.

— Те, кого надо бы бояться нам. Но мы не будем, верно?

— Да!

— Мы будем их уважать и стараться держаться подальше...

Отец и сын медленно побрели в сторону стоянки. Большая, как у медведя, рука придерживала Пашку за плечи, чем тот с удовольствием пользовался, позволяя себя вести и прикрыв глаза так, что видел только узкую полосу асфальта под ногами. В голове царил ошущение приятной пустоты, сменившей яркие эмоции восторга и гордости.

Тем неожиданней оказался резкий крик и сильный толчок в спину, буквально швырнувший наследника на асфальт. Тренированное тело привычно погасило удар приближающейся земли, разум откинул боль в ладонях как досадную помеху и с кристальной четкостью начал вбирать в себя картины окружающего мира, доступные с невеликой высоты. Мир в пяти метрах вокруг искажала тонкая пленка сотворенной защиты, образуя купол с вер-

шиной в метре над головой отца. А за щитом, вроде как ничего не изменилось — не ревело рукотворное пламя, не гремели выстрелы, только сине-фиолетовые круги, плывшие по охранным барьеру, придавали порту тревожный вид — все-таки высший цвет энергонасыщения...

Пашка решил было прижаться к асфальту ухом, чтобы лучше прислушаться, но тут же охнул от резкого головокружения и соленого привкуса во рту. Ударило в грудь и больно обожгло прямо напротив нагрудного кармана. Перекатившись на спину, он резким движением отшвырнул раскаленный предмет, выдернув его из рубашки вместе с карманом. И с удивлением опознал в дымящем золотистом пластике сотовый телефон — весь вздутый, с полураскрытой крышкой, отчаянно чадающий неприятным запахом пластмассы. Откатившись в сторону и охнув от очередного приступа головокружения, парень остановился у самой пленки барьера, тяжело дыша и с испугом переводя взгляд от сгоревшего телефона к линии складских зданий и обратно. И только через постыдные десять секунд догадался поставить собственный защитный барьер вокруг тела, виновато глянув в спину отца — глупо думать, что он этого не заметит.

Странное противостояние длилось не больше пяти минут — да и боролся ли кто-то с той стороны? Завершилось все тем, что Пашкин отец одним движением развеял щит, довольно потянувшись на месте и обернулся к сыну, сияя улыбкой.

— А у меня телефон сожгло, — невпопад буркнул Пашка.

— Все сожгло, — удовлетворенно добавил отец. — Все телефоны, камеры, регистраторы. Вся технику в округе. И это очень, очень хорошо! — с воодушевлением завершил он.

— Почему? — искренне удивился сын.

— Потому что это значит, что виновник наших бед есть. — Наставительно произнес Зубов-старший. — Осталось его только найти.

ГЛАВА 3

Неслышно провернулся ствол, высвобождая последний виток резьбы. Оружие аккуратно, без единого звука, легло на стол, коснувшись полированной гранью мягкой поверхности расстеленной бумаги, освободило пальцы для внимательного и вдумчивого выбора патрона. Идентичные на вид, из одной партии и одного материала, они были совершенно разными по ощущениям — только один из пяти показался достойным выстрела. Остальные аккуратно сложил обратно — найдут себе цель попроще. Сегодня

нет права на промах, ведь не будет шанса сделать вторую попытку.

Патрон занял надлежащее ему положение. Чуть прищуренный взгляд легко отыскал затылок цели. Совместить линию прицеливания. Глубокий вздох, тело расслабленно. Выдох. Резкий крик.

— Ай!

— Ян, последнее предупреждение!

— Марья Степановна, это не я! — полный негодования голос плеснул по классу.

— Еще раз повернешься — два за экзамен.

— Это Максим плюется бумажными шариками!

— Что-о? — возмущенно оскорбился я, одновременно воссоединяя ствол шариковой ручки с колпачком.

— Это ты сделал! — взбеленился Ян, доставая из пышной гривы волос скомканный в плотный комок патрон из листка бумаги и демонстрируя его классу.

— Я писал изложение по жизни и творчеству Антона Павловича Чехова! — дрожащим от негодования голосом поведал классу и экспрессивно махнул рукой.

— А это тогда что такое?!

— Тебе виднее, это твои волосы.

— Да ты-ы... Да я тебя-я! — зарычал Ян, дернулся ко мне и неловко зацепил соседку локтем.

— Дуэль?

— Д-да!!! — поднявшись из-за парты, выплюнул он.

— Ну и отлично, — улыбнулся я ему и виновато поклонился его очаровательной соседке по парте. Та смущенно фыркнула и отвернулась.

А мне соседки не досталось, увы. Да и парта — последняя, хоть центральный ряд. Зато все затылки недоброжелателей как на ладони.

— Ян, выйди из класса! — Холод учительского голоса моментально сковал эмоции ученика до арктической безнадежности и тоски. Даже меня легонько зацепило.

— Ну Ма-арь Степа-ановна-а...

— Тетрадь оставь, сколько успел, столько и оценю.

За поверженным противником тоскливо скрипнула дверь. Улыбка сама выползла на лицо, но я вовремя прикрыл ее рукой, изобразив глубокую задумчивость и заинтересованность судьбой писателя.

— Максим, тетрадь на проверку.

— Да, Марья Степановна, — подхватив тетрадь, через мгновение бережно положил ее перед глазами преподавателя.

— Хм, — через массивную оправу на меня глянули умные карие глаза. — Один в один с учебником?

— Хорошая память, — чуть виновато развел я руками.

— А знаки препинания где потерял? — улыбнулась ледяная леди уголками губ.

— Я предпочитаю ставить их в самом конце, — доверительно поделился с учительницей. — Для интриги.

— Какой еще интриги?

— Всегда есть шанс, что я поставлю их правильно, — вздохнул и отвел взгляд.

— Иди, ставь, — протянула она мне рабочую тетрадь. — Интриган.

Вот только последнее слово было сказано совсем с другим смыслом. Но вроде обошлось.

Сел на свое место и привычно оглядел класс, тут же наткнулся на внимательный взгляд Пашки Зубова. Что-то он целый день на меня сегодня смотрит, но сам не подходит. А когда я решил подойти замириться — угрем выскользнул в коридор, да так ловко, что не догнать. Явно задумал недоброе.

Хрипло запели динамики в коридоре, объявляя перемену. Странная тут школа — вместо резкого звонка целая песня, да еще перед каждым уроком разная. Зато не перепутать, какой по счету. Вот и сейчас вполне понятно — пятый и вроде как последний на сегодня завершен.

— Тетради на угол стола!

Последний раз с тоской взглянул на расставленные запятые, отложил свой труд в сторонку. Надеюсь, мне повезет сегодня... Если не с изложением, так хотя бы удастся поймать Пашку и поговорить. Вот он, кстати, пытается успеть записать какую-то мысль, пока учительница медленно вытягивает тетрадь из-под его ручки. Сложив все вещи в кейс (а у меня есть кейс!), приготовился к захвату будущего друга.

— Можете идти. Максим, задержись.

Все поникло внутри, когда увидел, как Пашка быстро сложил свои вещи в портфель (пф!) и вылетел из класса, напоследок глянув в мою сторону. Но ничего, от моей дружбы еще никто не ушел.

— Да, Марья Степановна? — убрав хищный оскал с лица, мило улыбнулся преподавателю.

— Камеры, — изящный палец с острым ноготком указал на завитушки в гардинах и портреты научных деятелей, развешенные по стенам. — Монитор, — пальчик указал на плоскость стола.

— Здорово, — согласился, потыкав пальцем в иконки экрана. — А вам тут, кстати, сообщение от Котика.

— Руки! Так вот, Максим, я прекрасно видела, что ты делал на последней парте. Эта запись также есть в архиве школы. Ты понимаешь, к чему я веду?

— Можно получить копию? — Мои глаза загорелись.

Все-таки навесом стрелял, через две головы и целый ряд! Федор точно оценит.

— Чтобы такого на моих уроках больше не было, — прикрыв глаза, вздохнула учительница.

— Хорошо, — покаянно качнув головой, я отвел взгляд.

Быстрее бы разговор закончился, пока шансы догнать Пашку совсем не исчезли. Проще соглашаться.

— И перед Яном извинись. Никаких драк!

— Давайте вы мне просто двойку поставите? Можно две, — поскучневшим голосом произнес я и отвернулся к окну.

Темные тучи, лениво собиравшиеся с самого утра, разразились-таки ливнем, размывавшим вид из окна потоками воды. Вот только Пашку это не задержит — его встречают на машине. Так что я снова опоздал с разговором. Может, обойтись без него? А есть ли шанс подружиться без участия второго человека? Хм...

— Максим, ты меня слушаешь? Ты ведь намеренно его спровоцировал.

— Ставьте три двойки, — пожал я плечами.

— Ладно, пусть родители с тобой разбираются, — обреченно вздохнула Мария Степановна, прервав затянувшуюся паузу. — Давай дневник. — Рука требовательно потянулась в мою сторону.

— Вот, — положил я на стол одну из двух имеющихся у меня в кейсе абсолютно одинаковых книжиц с императорской короной на обложке.

Опыт небольшого бизнеса научил, что лучше иметь несколько отчетных документов, чтобы не портить настроение проверяющим.

— Пусть твой папа напишет мне ответ на этой же странице, — произнесла Мария Степановна, продолжая украшать красивым почерком разлинованный лист.

Провал. Хотя в поле для оценок не отыскалось ни одной двойки.

— Оценки за поведение ставить нельзя, — прокомментировала она мой удивленный и благодарный взгляд. — Но мое мнение о тебе изменится в лучшую сторону, если драки не состоится.

Серьезный аргумент. Тем более что Ян и без того достаточно напуган, так как знает, за что его будут бить. Да и отцу мало радости, если его снова вызовут в школу.

— Я подумаю над этим, — со всей ответственностью уверил ее, забирая дневник.

Вредно менять свое мнение на ходу, без серьезного и вдумчивого торга. Иначе ценить его совсем перестанут.

— Хотелось бы верить, — задумчиво произнесла мне в спину учительница, когда я медленно и солидно удалялся из класса.

Впрочем, солидности той хватило ровно до закрытия двери, после чего последовал стремительный рывок на первый этаж, к парадному входу. Я все еще мог успеть за Пашкой!

Только и возле входа его тоже не оказалось — ни возле самой двери, ни около расписания, и даже в раздевалке не висела знакомая черная куртка.

— О, Максим, — окликнули меня с правой стороны обширного холла.

Рядом с массивными шкафами, за толстыми стеклами которых томилась узниками шоколадные батончики и чипсы (когда-нибудь я освобожу их всех!), деловито управлялся с кофейным аппаратом Руслан Артемьевич — тот самый, с помощью которого нам удалось устроиться в эту школу. Хотя, как называется его должность, я так и не узнал — в расписании фамилии не было, а те учителя, которых я спрашивал, отчего-то добавляли перед его именем слово «господин» и кратко обозначали его положение: «В руководстве».

— А я тебя как раз жду, — протянул он мне пластиковый стаканчик, наполненный чем-то горячим и волнующе шоколадным. — Угощайся.

— Спасибо, — с благодарностью отозвался я, прислушиваясь к горячей волне блаженства, устремившейся к желудку.

— Найдется пять минут на беседу?

— Да, — кивнул я. В самом деле, теперь спешить особо некуда.

— Тогда пойдем ко мне в кабинет, — улыбнулся Руслан и шагнул к лестнице.

Обернувшись напоследок, так и замер, глядя в открытую кем-то входную дверь. Там, во дворе, глядя в мою сторону, стоял Пашка, укрытый от дождя черным зонтом, удерживаемым в руке охранника.

— Максим? — поторопили меня.

— Эх. — Я с тоской глянул на дверь, затем на горячее лакомство в своих руках и все таки зашагал вверх — иначе неудобно как-то. Ладно, завтра поговорим.

— Присаживайся, — гостеприимно махнул Руслан Артемьевич рукой на кресло напротив небольшого стола в крошечном кабинете на самом последнем этаже здания. Кроме стола, двух кресел и стальных жалюзи, окрашенных в белый цвет, в комнате ничего не было — ни шкафа с бумагами, ни компьютера, ни других признаков того, что тут кто-то работает. Разве что отсутствие

пыли подсказывало, что этим местом пользуются. — Как тебе в школе?

— Брату и сестрам нравится, — уклончиво сообщил я.

— Отлично, — воодушевленно улыбнулся Руслан. — Ведь главная семья, верно? Ради нее можно потерпеть мелкие неудобства.

— Да, — с настороженностью подтвердил я, одновременно обдумывая, в какую сторону пойдет разговор.

Руслан Артемьевич не был плохим человеком, хоть поначалу, два месяца назад, отказал нам, не пустив за ограду. Не стал он хорошим после того, как заинтересовался моим даром и распахнул двери школы для меня и брата с сестрами. Обычный человек с собственными интересами, ради которых готов улыбаться и пить шоколадом. А я достаточно вежлив, чтобы улыбаться в ответ. Но интересы у меня — свои, и они подороже горячего лакомства.

— Для нас вот тоже самое главное — семья, — сменив открытую улыбку на чуть грустную, произнес он. — Большая, огромная семья размером в целое княжество.

— Разве бывают такие? — усомнился я в ответ.

— Сам посмотри, — тронул он жалюзи, указывая на город.

— Но там живут совсем разные люди.

— Семья — это забота, защита, взаимопомощь, любовь и память о предках, — наставительно качнул Руслан Артемьевич пальцем. — Даже если люди не знакомы друг с другом, это не делает их чужими. Разные фамилии, цвет кожи, внешность — это все пустяк, если внутри человека есть понимание слова «родина».

— Но там, за окном, много плохих людей...

— Это гости, — прикрыл мужчина глаза и качнул головой, словно соглашаясь. — Плохие или хорошие — пока они соблюдают правила, им даровано наше гостеприимство. Мы не очень им рады, но пускаем в наши города, позволяем жить и работать. Придет горе, гости соберут вещи и уедут, а семья останется защищать свой дом. В этом отличие.

— Мы будем хорошими гостями, — вежливо улыбнулся я.

— А я думаю, что вы уже в семье, — поделился своим мнением Руслан и тут же выставил ладони вперед. — Это ни к чему вас не обязывает. У нас есть кому защитить слабых и позаботиться о лечении больных. Город полон памятников и не даст забыть о славном прошлом. Но, по моему мнению, если на школу нападут, ты станешь на ее защиту, — подмигнув, добавил он.

— Есть такой план, — подтвердил я его мысли. — Увидите хищного робота-убийцу — сразу вызывайте.

— Договорились, — хохотнул мужчина и тут же добавил без единой эмоции: — Только вот что делать, если вместо робота грянет ракетный залп?

— А тут все застраховано?

— Разумеется, — подтвердил Руслан. — Кроме жизни учеников жизни Федора и твоих сестер.

— Но ведь этого не случится? — сжав пальцами край стола, тихо уточнил я.

— Мы постараемся, — со всей серьезностью пообещал он. — Приложим все силы, как делаем это всю свою жизнь. Но вдруг мы ошибемся? Вдруг между школой, Федором и ракетами останешься только ты?

— Это будет любопытно, — сухо ответил, зажигая в ладони искру собственной Силы.

Я умел защитить себя, умел защитить пространство рядом с собой, но будет ли этого опыта достаточно, чтобы закрыть целый корпус? Отчего-то угроза Руслана совсем не казалась страшилкой или выдумкой. Он говорил о возможной беде так, как рассуждают о буйном соседе, уже не единожды пробовавшем входную дверь на прочность.

— Если бы ты умел пользоваться своей Силой в полной мере, — кивнул он на мою руку, — смог бы защитить всех. А то и направить ракету туда, откуда она поднялась.

Наверное, я должен был сейчас зажечься и, соглашаясь на все условия, попросить научить меня.

— Было бы здорово, — спокойно подтвердил я, ожидая продолжения и приготовившись торговаться. Потому что если вам что-то предлагают задаром, обычно это очень дорого обходится. А принимать предложение все равно придется. Потому что любопытно.

Руслан чуть улыбнулся и наклонил голову, с интересом меня разглядывая.

— Но если бы мы знали об атаке заранее, ни одна ракета не поднялась бы в воздух, — с куда большим интересом продолжил он после минуты гляделок. — Мы можем научить и тому, и другому. Мы — не только школа, мы — род и клан Шуйских, — с мрачной торжественностью завершил Руслан.

— Не бесплатно.

— Что ты, денег абсолютно не нужно!

— А вот мне — оченьгодились бы. — Я по-доброму улыбнулся и выставил вперед сцепленные в замок руки. — Учеба требует от меня времени и усилий, верно?

— Да, — недоуменно поднял он бровь.

— Мое время очень дорого, — с обеспокоенностью добавил, чуть наклонившись вперед. — Я мог бы потратить его на бизнес.

— Да какой там бизнес, — с легким раздражением махнул он в ответ рукой. — Газетки раздавать?

— Давайте сойдемся на том, что потраченное мною время будет стоить столько же, сколько я зарабатывал раньше?

— Стипендию хочешь? — прищурился он. — Хм, на мороженое...

— Именно на него, — поддакнул я.

— Предложение принимается.

Мха-ха, мха-ха-а! МХАХАХА!

— Максим? — с легким недоумением окликнул меня Руслан.

— Ладони разогревал, — перестал я потирать руки и звучно откашлялся. — К тому же все это нанесет вред моей основной учебе. Я не хочу быть двоечником!

— С этим решим, — отмахнулся собеседник. — Школа полностью под нашей рукой.

Уф, прямо от сердца отлегло.

— Но не вздумай специально игнорировать учебу! — строгим голосом отреагировал он на мою довольную улыбку. — Лично буду контролировать.

Предложение о полной отмене посещения уроков так и замерло на губах, оставшись невысказанным. Эх.

— Тогда девочку, — решительно высказал я свое последнее условие.

— Девочку? — нахмутив брови, уточнил Руслан Артемьевич.

— Симпатичную и умную, — поспешил уточнить я. — А то мне не выдали.

— Где не выдали? — Он недоуменно поднял брови.

— Так в классе, — терпеливо пояснил я. — У всех есть, у меня нет. Несправедливо!

— А, соседку по парте, — ошутимо расслабившись, выдохнул Руслан. — Так, значит, больше девочек нет, — пожал он плечами.

— Это не решение! — Я категорически хлопнул ладонью по столу.

— Соседок не выдают, — улыбнулся собеседник. — Они — такие же ученики, как и все. Если кто-то захочет подсесть к тебе самостоятельно, тогда пожалуйста. Но силой этот вопрос не решить.

— Хм, — задумался я на мгновение. — Ладно, сам найду.

— Девочка должна быть из твоего класса! — отчего-то запаниковал Руслан. — И сидеть с тобой должна добровольно!

— Хорошо, — покладисто заверил его.

Тем более что уже знал, у кого ее можно забрать. Интересно, как у нее с запятыми?

— Тогда взамен прошу простить мне то, что я сделал, но о чем вы еще не знаете. — Смутившись, я отвернулся к окну.

— О как, интересная просьба, — с любопытством почесал он подбородок. — Мы где-то опять не досчитаемся двери?

— Нет.

— Так-так. — Руслан оглядел меня с улыбкой. — Что-то разбил, признавайся?

— Мм, нет.

— Испортил?

— Можно и так сказать, — протянул с неохотой.

— Ладно, давай начинать сотрудничество с чистого листа. — Руслан Артемьевич протянул мне ладонь для рукопожатия. — Договор?

— Договор.

Уф, а наставник волновался! Все будет хорошо с этими кораблями.

— Начинаем занятия с завтрашнего дня, предупреди домашних.

Вниз я спускался в приподнятом настроении, даже напевал что-то под нос, пока одевался в легкую куртку. Глянул ради интереса в окно, чтобы оценить силу дождя, и ощутил, как волна удовлетворенности сегодняшним днем захлестывает выше головы. Потому что на лавочке в школьном дворе, под широким зонтом над самой головой, продолжал чего-то терпеливо дожидаться Пашка. Рядом переминались два охранника, один из которых держал зонт над подопечным, а второй раскрыл абсолютно такой же над собой и коллегой, но даже несмотря на это все основательно промокли, так как струи то и дело залетали под зонт из-за порывов ветра.

«Замерз, наверное, — пожалел я Пашку и тут же посмотрел в сторону кофейного автомата. — А вот и возможность помириться!»

Именно с такими мыслями я оплатил самую большую кружку горячего кофе, прикрыл голову и стакан кейсом и с улыбкой шагнул во двор.

— Привет! — дружелюбно поздоровался я, приближаясь к однокласснику.

Только тот смотрел совсем недобро и даже поджал губы, когда между нами осталась всего пара шагов.

— Смотри сюда! — грозно крикнул Пашка, поднимая руку ладонью вверх и зажигая над ней ярко-алый шар огня.

Я не успел восхититься, потому что коварный огонь мигом поджег поверхность зонтика. Натянутая ткань тут же вспыхнула, в секунду разлетевшись на огненные лоскуты, один из которых упал прямо на волосы Пашке.

— Ох! — испугался я за него и перевернул стакан жидкости прямо на очаг возгорания.

На меня смотрели два крайне ошеломленных, испуганных, наполненных недоумением и болью глаза. Крик пришел двумя секундами позже.

— А-а-а! — летело над двором от бегущего к калитке парня.

— Паша, давай дружить, — робко вторил ему я.

— Н-не подходи! — донеслось из-за забора.

— Молодой человек, мы не оставим это просто так, — пригрозил мне охранник и поспешил за подопечным.

— Да я помочь хотел, — пожал плечами, глядя на второго, более спокойного охранника.

— Я видел, — тяжело вздохнул он, стряхивая пламя с остатков зонта. — Только господин все равно будет в ярости.

И тихонько побрел к нетерпеливо бибикнувшей машине.

Не, так дело не пойдет, — решил я. В присутствии Пашки подружиться с ним точно не получится. Значит, обойдемся в этом деле без него. Я решительно повернул обратно к школе.

План, витавший на самой границе сознания, с каждым шагом обретал цвет и глубину.

Две сотни килограмм веса поднимались над грудью, замирали под внимательным приглядом двух дюжих подстраховщиков и вновь опускались вниз, повторяя цикл раз за разом без рывков и дрожи в руках. Казалось, что человек вовсе не чувствует чудовищного груза, с равнодушием каменного голема исполняя подход за неполную минуту.

Олег Степанович Кочетов выглядел для подобного сравнения весьма подходяще — массивный, в плечах полтора метра, рост — полноценных два, с рельефными мышцами, будто высеченными из камня, он казался античной скульптурой... А возможно, и был ею — украденной с постамента вандалами, разрисованной черно-синими чернилами татуировок и забытой на самом дне этого мира. Возможно, разгневанный монумент ожил и, идя через кровь и смерть, начал обратный путь на постамент величия. Быть может, за десятилетия тяжелого труда Кочетову удалось приблизиться к заветной цели вплотную... Но краски татуировок уже слишком сильно впитались в судьбу — такое не стереть, не вернуть душе былую чистоту, достойную созерцания миллионов. Единственное, на что он мог рассчитывать, вернувшись туда, откуда его похитили, — оказаться в запасниках, в плотном полотне, укрывающем от чужого взгляда, да еще на сожаление зрителей о потере отличного экспоната — легкое, без сильных эмоций, с привкусом досады, но не более. Потому что его постамент уже занял другой.

Сам Олег Степанович о своем прошлом не вспоминал. Если бы камень мог думать, он мог бы взять фамилию Кочетов и счита-

ться родственником — уровень переживаний, сомнений и уверенности у них соответствовал бы, как у братьев-близнецов. Из человеческого в Олеге остались острый ум и чувство прекрасного. Собственно, ради второго он и использовал ум, окружая себя шедеврами природы, техники и живописи, зачастую игнорируя ценники, прежних хозяев и закон. Отсутствие других присущих человеку эмоций вроде страха и жалости позволяло расширять коллекцию с завидной регулярностью. Впрочем, деньги оставались самым главным инструментом — простым, эффективным, а в последние годы и весьма доступным. Дела у него шли очень хорошо. До сегодняшнего дня.

Кочетов поставил штангу на опору стойки, без особой спешки поднялся и прошагал через общий зал комплекса к душевым, игнорируя восхищенные взгляды посетителей-новичков, пришедших сюда за такими же мускулами. Большинство из них через пару месяцев достигнет генетического потолка и начнет хитрить, закидываясь химией в виде таблеток. Те, кого не устроит и этот результат, перейдут на инъекции — дорогостоящие, вредные, требующие постоянного повторения и очень эффективные. В итоге кто-то получит тело с рельефными мышцами и силу, красивое отражение в зеркале и свою порцию обожания в глазах новичков. Ну а Кочетов получит их деньги — поскольку препараты продаст его клуб, под улыбку и настоятельные рекомендации тренера.

Только это так — мелочь, легальное прикрытие совсем другой химии. Есть вещи гораздо более желанные, чем физическая сила, — Сила магическая, недоступная большинству по такому несправедливому и бесчестному праву рождения. Однако всего одна таблетка, и потусторонняя мощь разливается по телу, даруя чувство неуязвимости, избранности, причастности к узкому кругу одаренных. Впрочем, химия не дает мастерства и знаний, так что ничего, кроме очень живучего мяса, из неодаренного не выйдет. Вот если дозу примет тот, кто родился с искоркой дара... Как минимум рост на один ранг гарантирован, а при постоянном применении — даже на два ранга, вплоть до заоблачного титула «мастер» со всей его чудовищной Силой. А Сила в нашем мире легко конвертируется в деньги — за сильным и свободным одаренным моментально выстроится очередь из нанимателей, жадных до статуса телохранителя или желающих приобрести пугало для врагов.

Единственная беда — о потомстве можно забыть, но тех, кто уже настроился жить в роскоши, это мало волнует. Куда больше их страшит схватка с настоящим одаренным равного ранга. Еще более неприятным может оказаться профессиональный интерес аристократа к внезапным успехам. Потому что оба этих события

гарантируют «химику» смерть — в первом случае его убьет мастерство, во втором — гнев и ярость благородного рода. Но шанс всего этого настолько незначителен, что...

Разумеется, такая химия строго запрещена. Разумеется, на нее все равно есть спрос. А значит, она страшно дорога и приносит огромную прибыль — достаточную, чтобы Кочетов регулярно выкупал экспонаты Sotheby's для своей коллекции.

Сегодня днем груз с полугодовым запасом химии пошел ко дну. Перевозчик развел руками и посоветовал покупать страховку.

«Досадно», — подумал человек-камень, замерев в душевой под холодными струями контрастного душа.

Еще более досадно, что химия уже была распределена по постоянным покупателям, за нее получены деньги, а цех не сможет выдать новую партию раньше чем через три месяца.

С точки зрения постороннего не случилось ничего фатального — ведь деньги можно вернуть обратно, внимание властей к грузу не привлечено, канал перевозки не вскрыт, а клиенты никуда не денутся. Все верно, за исключением последнего пункта. Клиенты не примут деньги назад. Клиентов не интересуют причины случившегося и чужие сложности. Они захотят получить свою Силу — в синеватых таблетках, в капсулах без надписей. И действовать будут, думая мускулами и рангом. Они поведут себя так не потому, что тупые или недалекие, — ими будет двигать страх, лишаящий разума. Ведь пропуск дозы — гарантированное падение вниз. Целая толпа разъяренных пока еще «ветеранов», «учителей» и «мастеров».

Значит, придется сократить срок производства до месяца. Такое возможно — достаточно подпитать узкие места техпроцесса деньгами, избыточно дублируя высокотехнологичное оборудование. Дорогие и запрещенные реактивы, запас которых также пополняется с солидными интервалами, тоже реально раздобыть и протащить через таможню, оплатив золотом по весу. «Варшики» не откажутся от трудового подвига, если поманить пухлой пачкой резаной бумаги... Все решаемо.

Остается один вопрос — кто за все это будет платить? За потерянную партию товара, за оборудование, за накладные расходы, за реагенты, за работу, за недостачу прибыли, наконец? Олег Степанович обратился с этим вопросом к своим покровителям.

Там, за зеркальными окнами офиса-башни крупной газовой компании, его уверили, что он не зря все это время платил двадцать процентов от дохода. На этом разговор через электронный терминал с невидимым собеседником завершился, и управляющий вежливо вывел его из кабинета.